

Чэн Юнь сидел в маленьком дворике, погрузившись в глубокую задумчивость.

Слуга зажёл для него фонарь. Тёплый свет озарил усадьбу, выхватив из темноты крошечный огород за низким плетнём. Там росло несколько диковинных духовных растений: по земле расползлись плетистые стебли, на которых лежали круглые пузатые плоды. К каждому из них была бережно привязана красная верёвочка.

На плетне красовалась бумажная табличка, выведенная на удивление строгим и аккуратным почерком: «Кошкам и Ли Цзину вход строго воспрещён».

Запрет, впрочем, явно не работал — во всяком случае, на кошек. Упитанный рыжий котёнок разлёгся прямо на заборе, не сводя с Чэн Юня ленивого взгляда и мерно покачивая длинным хвостом. Когда слуга попытался его прогнать, зверь лишь легко спрыгнул вниз и вальяжно перебрался на подоконник.

Вокруг всё дышало присутствием Чэн Си. Каменный стол хранил въевшиеся в поры тёмные пятна туши — должно быть, брат часто упражнялся здесь в каллиграфии. На подоконнике высилась огромная селадоновая чаша, где среди плавающих кувшинок резвились несколько краснохвостых рыбок. А из угла двора, окутанного ночной прохладой, струился нежный аромат цветущего жасмина.

Каждый уголок говорил о том, что Чэн Си живёт припеваючи. Совсем не так, как прежде. У него, оказывается, хватало времени и душевных сил и на цветы, и на кошек.

Сколько Чэн Юнь себя помнил, его младший брат вечно балансировал на грани жизни и смерти. В их поместье безвылазно обитали лекари, а воздух дышал удушливой горечью отваров. В те дни лицо госпожи Шэнь, великой госпожи клана, всегда оставалось мертвенно-бледным и гневным. И тогда родная мать Чэн Юня крепко прижимала сына к себе, пряча в дальних комнатах.

— А-Юнь, будь послушным, не выходи наружу, — ласково шептала она. — Жди, пока придёт отец.

Тогда он не понимал причин её вечного страха. Лишь годы спустя, погнавшись за щенком, он наткнулся на младшего брата — бледного, истощённого, одетого в девичье платье. Тот красивый, но пугающе холодный ребёнок указал на него пальцем и спросил у своей матери:

— Матушка, почему ему дозволено бегать по двору? Разве ему не больно?

Статная, изысканно одетая женщина обняла своё дитя и ласково зашептала в ответ:

— Что ты, глупенький. Все люди такие же, как наш Сяо Мэй. Тебе больно, а им будет во сто крат больнее.

С тех пор стоило Чэн Си слечь от очередного недуга, как Чэн Юня подвергали жестокому наказанию. Секта в эти дни умывалась кровью — стоило младшему занемочь, как безумная женщина заставляла страдать каждого вокруг.

Снося очередные побои, Чэн Юнь беззвучно проклинал брата. Он молил небеса, чтобы Чэн Си наконец испустил дух — долго, мучительно, самой страшной смертью. Но проклятия не работали. Судя по всему, этот выродок не просто выжил, но и собирался жить долго, постепенно обретая человеческий облик.

«Но с какой стати этой твари вообще дозволено жить как нормальному человеку?» — с глухой яростью подумал Чэн Юнь.

— Что-то Фэн Ци задержался, — произнёс он вслух, лениво коснувшись пальцем ледяной глади воды в чаше. — Пойди разузнай, в чём дело.

— Почтенный даою, в стенах Академии Духовной Горы драки строго запрещены.

Ли Цзин мягким, но уверенным движением увёл Чэн Си себе за спину. Смерив улыбкой застывшего перед ними бесстрастного стражника, он дружелюбно добавил:

— Ежели желаете помериться силами, ступайте на арену. Здесь всё-таки приличное место, науки постигают.

Чэн Си вцепился в плечи своего защитника и, прячась за его широкой спиной, зашептал на ухо:

— Мой... то есть мой второй брат припёрся. У нас с ним с самого детства, мягко говоря, натянутые отношения. Он притащил с собой целую ораву головорезов, чтобы устроить мне тёплый приём, и сейчас караулит прямо во дворе. Ты, пока шёл сюда, никого из наставников не встретил?

— Наставников не видел, зато пересёкся с мальчишкой в твоём одеянии. Он закричал, что тебя преследуют, вот я и бросился на выручку, — отозвался Ли Цзин с абсолютным спокойствием. — А прибегаю и вижу: ты превесело прыгаешь кому-то на спину.

Чэн Си поперхнулся от возмущения и дёрнул Ли Цзина за ленту в волосах:

— Это была засада! Вынужденная мера, понимаешь ты?!

— Понимаю-понимаю, — со вздохом примирительно произнёс Ли Цзин, слегка отклонив голову

назад. — Только отпусти, иначе всю причёску мне растреплешь.

Как только Чэн Си разжал пальцы, в темноте горной тропы заколыхались огни бумажных фонарей. Фигура Чэн Юня показалась издалека — высокий, тощий, в своём ярко-пурпурном облачении среди толпы слуг он выглядел вылитым баклажаном.

— Ой-ёй, гляди-ка, а вот и свита твоего братца пожаловала, — Ли Цзин приобнял его за плечи, в открытую предлагая позорный побег. — Раз, два, три... Всего двенадцать охранников, если считать этого молодца перед нами. Ну что, может, соберём вещички да сбежим по-тихому?

Фэн Ци стиснул рукоять меча, преграждая им путь к отступлению. Ли Цзин лишь усмехнулся: несмотря на все свои разговоры о побеге, он даже не шелохнулся.

В неверных отсветах приближающихся фонарей Чэн Си вдруг разглядел предмет в руках Чэн Юня. Дурное предчувствие ледяной иглой укололо сердце. Орава подошла ближе. Рассмотрев ношу брата, Чэн Си почувствовал, как у него бешено задёргалось веко. Волна неопишемого отчаяния затопила разум, вырвавшись наружу истошным воплем:

— Ублюдок! Он сорвал мой арбуз! Он же ещё даже не созрел!!!

Этот арбуз был его личной гордостью. Чэн Си с огромным трудом раздобыл семена на рынке и потратил целых три года на селекцию. Кое-как ему удалось заставить эти водянистые плоды, по вкусу напоминавшие сырую тыкву, хоть немного покраснеть изнутри. Буквально в этом месяце они вымахали размером с ладонь — всего пять штук на грядке! И Чэн Юнь держал в руках самый большой, самый ценный из них. Чэн Си каждый божий день бережно постукивал по его полосатому боку, проверяя спелость... И вот, плод его титанических трудов погиб!

— Моя крошка! Он же совсем зелёный был! — Чэн Си едва не взвыл в голос, обливаясь горячими слезами. Сердце обливало кровью. Стиснув кулаки, он решительно выдохнул: — Всё. Я иду его убивать.

— Ладно-ладно, иди убивай, — Ли Цзин со вздохом подставил свой широкий рукав, который Чэн Си тут же безжалостно использовал вместо носового платка. Окинув взглядом приближающегося Чэн Юня, он с улыбкой добавил: — Что ж, иди, вызови его на честный бой.

Чэн Си с самым свирепым видом, на какой только был способен, двинулся наперерез и грозно встал перед братом.

Чэн Юнь тем временем увлечённо вертел в руках диковинный плод. Таких штук он отродясь не видел: идеально круглая, гладкая корка с причудливыми тёмно-зелёными полосами приятно ложилась в ладонь. Вещь была весьма увесистой и тактильной. Судя по сложнейшим защитным барьерам, которыми была окутана грядка, Чэн Си выращивал здесь какое-то редчайшее духовное растение.

Заметив, как исказилось от злости лицо младшего, Чэн Юнь окончательно убедился в своей правоте. На душе у него потеплело от злорадства, а в голосе зазвучали притворно-радостные нотки:

— О, третий братец! Что ты так на меня смотришь? Неужто тебе жалко какого-то жалкого корешка для любимого старшего брата?

— Да, жалко! — Чэн Си заскрежетал зубами. — Брать без спроса — это воровство. И статус брата не даёт тебе права портить чужие вещи!

— А я взял и испортил. И что ты мне сделаешь? — Чэн Юнь снисходительно улыбнулся.

Он был на целую голову выше Чэн Си, да к тому же стоял на ступень выше по склону. Окружённый дюжиной крепких телохранителей, он излучал подавляющее превосходство.

— Поколотишь меня? Или, может, вытацишь меч и срубишь мне голову? Без своих преданных слуг ты хоть на что-то способен?

«Да если бы я мог, я бы тебя прямо тут закопал», — мысленно признал своё поражение Чэн Си.

Он попятился на полшага назад. Гнев понемногу улетучился, уступая место горькой реальности. Если верить сюжету оригинального романа, Чэн Юнь, хоть и уступал их гениальному старшему брату, Владыке Проявленного Света, всё же был полноценным заклинателем. Раз уж он прибыл представлять Обитель Облачного Слияния на состязании, его духовная сила явно заслуживала уважения.

Сам же Чэн Си за последние годы благодаря титаническим усилиям Бессмертного лекаря едва-едва научился крохам духовной энергии. Но эти капли годились разве что на полив грядок да возню с яшмовыми табличками «Долгого Письма». Лезть в драку? Исключено. Он даже простейший защитный амулет активировать не сможет. Столкновение с Чэн Юнем гарантированно закончилось бы для него больничной койкой.

Чэн Юнь бесцеремонно опустил тяжёлую ладонь на плечо младшего брата и с фальшивым сочувствием протянул:

— Что же ты притих, братец?

Чэн Си взял себя в руки. Лицо его приняло совершенно отрешённое выражение.

— С чего ты взял, что я собираюсь драться? Мы ведь с тобой родная кровь. Я лишь хотел дать тебе дружеский совет. Это растение... невероятно редкое, вырастить его — великий труд. Его можно есть целиком, прямо сырым. Оно отлично гармонизирует духовные потоки и очищает энергетические каналы. Раз уж сорвал, не выбрасывай зря.

«Жри давай, вместе с коркой да семечками, чтоб ты подавился!» — яростно подумал Чэн Си.

— О, вот как? Премного благодарен, — Чэн Юнь шутливо подбросил арбуз на ладони и хищно прищурился: — Мы так давно не виделись. Почему бы тебе не заглянуть сегодня ко мне в гости? Старейшина Цинь тоже очень хотел тебя повидать.

Чэн Си инстинктивно отпрянул:

— Ну уж нет!

Чэн Юнь, однако, мёртвой хваткой вцепился в его плечо. Пальцы сжались с такой силой, словно хотели раздробить кость.

— Братья должны держаться вместе, разве не так? Нам есть о чём потолковать. Да и отец по тебе скучает. Тебе обязательно нужно вернуться домой после окончания Великого состязания.

— По правилам Академии ученикам строго-настрого запрещено ночевать за пределами своих жилых корпусов, так что ваш любезный жест, боюсь, останется без ответа.

Раздался спокойный голос. Ли Цзин бесшумно вырос рядом и обхватил запястье Чэн Юня, с мягкой, но неодолимой силой убирая его руку с плеча Чэн Си.

— Время позднее, пора спать. Второй молодой господин Чэн проделал долгий путь, вам определённо стоит как следует выспаться.

Чэн Юнь вскинул голову, его взгляд потемнел от едва сдерживаемой ярости. Ли Цзин встретил этот взор с обезоруживающей улыбкой абсолютной невинности.

— Ой, второй молодой господин ведь тоже относится к числу заклинателей пути музыки? Вам завтра выходить на арену. Если не выспитесь, это может скверно сказаться на вашем выступлении.

— А ты ещё кто такой?.. — процедил сквозь зубы Чэн Юнь, сузив глаза.

— Ничтожный Ли Цзин, скромный музыкант из этой Академии. Если завтра жребий сведёт нас на помосте, прошу, будьте ко мне снисходительны, — задорно ухмыльнулся тот. — О, глядите-ка, а вот и наш многоуважаемый ректор! Пожалуй, мы пойдём, не смеем вам мешать.

Ли Цзин подхватил Чэн Си под руку и увлёк за собой во двор. Метрах в пятидесяти от них показался запыхавшийся ректор Академии, которого вел за собой Су Сяотань. Похоже, старика вытащили прямо из тёплой постели — он на ходу оправлял помятые одежды. Завидев гостей, ректор замахал руками и радушно воскликнул:

— О, второй молодой господин Чэн! Какая встреча! Как поживает ваш достопочтенный отец? Я ведь буквально в прошлом месяце отправлял ему послание... Не соизволил ли великий глава секты ознакомиться с моим скромным планом по расширению Академии?..

Чэн Юню пришлось натянуть на лицо самую приторную из своих дежурных улыбок и повернуться к старику:

— Мой отец всегда отзывался о вас с глубочайшим почтением, почтенный ректор! И вы полностью оправдываете его слова. Что же касается открытия филиала Академии в Цанчжоу...

Ректор увлёк Чэн Юня вдоль по тропе, увлечённо развивая тему масштабного строительства, и ночной воздух мгновенно наполнился атмосферой вежливого светского трёпа.

Тем временем Ли Цзин и Чэн Си вместе с Су Сяотанем благополучно укрылись за стенами своего двора.

Стоило им войти, как Чэн Си коршуном бросился к плетню и принялся судорожно пересчитывать оставшиеся арбузы. На лице его отразилось безутешное горе:

— Четыре! Всего четыре штуки осталось!

Две горькие слезинки скатились по его щекам. Оплакав потерю, он бросился проверять остальное имущество. Кусты жасмина лишились всех бутонов — лепестки устлали землю унылым ковром. К счастью, рыбки в чаше чувствовали себя превосходно, а подсолнухи, росшие у самой стены, чудом уцелели.

Пухлый рыжий кот бесшумно возник откуда-то из тени и мягко потерся о щиколотку хозяина. Чэн Си бережно подхватил животное на руки и тут же осёкся: на макушке усатого бандита красовался крошечный нелепый хвостик, перевязанный красной верёвочкой.

— Ну каков мерзавец! Даже на кота руку поднял! — вскипел Чэн Си, едва не задыхаясь от возмущения.

Ли Цзин, успевший к тому времени обустроить Су Сяотаня в гостевой комнате, вернулся во двор, взял разошедшегося друга за шкирку и настойчиво увёл в дом.

— Полно тебе, не кипятись. Давай лучше на твоё плечо глянем.

Чэн Си послушно повернулся спиной и принялся стягивать верхние одежды, не прекращая сердито бубнить под нос:

— Будь у меня хоть капля сил для драки, я бы заставил этого гада сожрать мой арбуз на месте! Прямо с коркой! И с семечками!

— Обязательно заставил бы, — тихо отозвался Ли Цзин.

Он невольно прищурился, глядя, как мягкое зелёное одеяние соскальзывает с плеч Чэн Си, обнажая кожу — чистую и белую, подобно дорогому фарфору. Ли Цзин бережно отвёл в сторону пряди его смоляных волос. В колеблющемся свете свечи очертания юношеской спины казались хрупкими, почти беззащитными. Словно изваянный из чистейшего нефрита, Чэн Си покорно лёг ничком на ложе, и его тонкие лопатки слегка вздрогнули.

На плече наливался жуткий чернильно-багровый синяк. Из-за неразрывных уз Проклятия Жизни и Смерти их души и чувства были слиты воедино. Чэн Юнь бил прицельно, выплескивая давнюю злобу, и вложил в этот захват немало сил — Ли Цзин ещё на тропе почувствовал, как его собственное плечо пронзила острая, ослепляющая боль. Чэн Си же, обделённый от природы телесной чувствительностью, умудрился вообще ничего не заметить. Он лишь упрямо выпячивал подбородок, даже не догадываясь, что сожми брат пальцы чуть сильнее — и хрупкая кость просто треснула бы. А вернувшись в усадьбу, этот недотёпа как ни в чём не бывало скакал по двору.

Ли Цзин принялся аккуратно втирать целебную мазь в ушибленное место. Мальчишка под его пальцами тихонько заскулил, утыкаясь лицом в подушку, а затем приглушённо произнёс:

— Прости, пожалуйста...

— За что ты извиняешься? — Ли Цзин удивлённо приподнял брови.

— Снова я умудрился пострадать, а расплачиваться тебе, — Чэн Си глубже зарылся лицом в мягкую ткань, чувствуя уколы вины.

Пальцы Ли Цзина, разминавшие плечо, на мгновение замерли.

— Мы с тобой в одной лодке плывём. Рано или поздно каждый из нас может набить шишку, так что к чему эти нежности? Будем просто терпеть друг друга.

— И всё же, нет ли какого-то способа временно разрывать эту связь? — Чэн Си нахмурился. — Ужасно неудобно получается.

Ли Цзин лукаво изогнул бровь и уклонился от прямого ответа:

— Наверняка есть. Как-нибудь выберу время и покопаюсь в архивах Павильона Сокрытых Текстов.

— Ладно... — пробормотал Чэн Си.

Прикосновения к натруженному плечу приносили блаженное облегчение, и на него стремительно навалилась дремота. Словно уставший кот, он лениво потёрся щекой о подушку, прикрыл глаза и вдруг сквозь полусонные ресницы заметил в щели приоткрытой двери смутный силуэт. Кто-то кругленький и невысокий сидел там на корточках.

Чэн Си: «...»

Су Сяотань, изо всех сил цепляясь за косяк, торопливо закрыл ладошками глаза. На лице его застыл дикий испуг пойманного с поличным шпиона:

— Ой! Благодетель, я... я просто мимо проходил! Вы продолжайте, продолжайте! Не обращайтесь на меня внимания!

Чэн Си: «.....»

<http://bllate.org/book/18408/1799581>